

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH1941011-1030>

Исследовательская статья

Будайчиев Арсен Лахманович
младший научный сотрудник
Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Россия
arseneihae@yandex.ru

КЕРАМИЧЕСКИЕ ВАЗЫ-«ФРУКТОВНИЦЫ» ИЗ ПАМЯТНИКОВ ПРИМОРСКОГО ДАГЕСТАНА РАННЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА

Аннотация: Одной из категорий керамических изделий памятников раннего бронзового века Приморского Дагестана, являются вазы. В отечественной литературе они еще не были предметом специального изучения. В зарубежной археологической литературе этот тип сосудов на высоких полых поддонах условно именуется «фруктовницы» (*fruit-stands*). В статье рассматриваются вопросы типологии керамических ваз, происходящих из Великентских могильников I (катакомба 8) и III (катакомба 1), Каякентского могильника VI и поселения Торпах-Кала, их декора и назначения, хронологии и происхождения. Всего на упомянутых памятниках представлено только семь ваз (не считая фрагментов), каждая из которых имеет свои отличительные особенности. Вазы в Дагестане в указанный период не получили такого широкого распространения, как другие типы обыденной керамической посуды, а в памятниках горной и предгорной зон они и вовсе не представлены. Аналогии керамическим вазам из Дагестана обнаруживаются не только на памятниках Северо-Восточного Азербайджана (поселение Серкер-тепе, могильник Гарачай и др.), но и на памятниках Центральной и Восточной Анатолии, Северо-Западного Ирана и других областей. На памятниках позднего халколита Анатолии было обнаружено большое количество различных по размеру т. наз. «фруктовниц», которые исследователями были отнесены к ритуально-культовым сосудам. Именно этот регион стал исходным в распространении этой керамической традиции. На территории Восточного Кавказа они появляются в нач. III тыс. до н.э. и бытуют до сер. III тыс. до н.э.

Ключевые слова: Восточный Кавказ; Дагестан; ранний бронзовый век; куро-аракская культурно-историческая общность; керамика; фруктовницы

Для цитирования: Будайчиев А.Л. Керамические вазы-«фруктовницы» из памятников Приморского Дагестана раннего бронзового века // История, археология и этнография Кавказа. 2023. Т. 19. № 4. С. 1011-1030. doi.org/10.32653/CH1941011-1030

© Будайчиев А.Л., 2023

© Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, 2023

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH1941011-1030>

Research paper

Arsen L. Budaichiev
Researcher
Institute of History, Archeology and Ethnography
Dagestan Federal Research Center of RAS, Makhachkala, Russia
arseneihae@yandex.ru

CERAMIC “FRUIT-STANDS” FROM THE EARLY BRONZE AGE SITES OF COASTAL DAGESTAN

Abstract. Vases constitute a distinct category of ceramic ware discovered at Early Bronze Age sites in Coastal Dagestan. In domestic studies, these vessels have not yet been sufficiently covered. In foreign archaeological literature, this type of vessels on tall hollow stems is conventionally referred to as “fruit-stands”. The article explores the typology of ceramic vases from the burial grounds of Velikent I (Catacomb 8) and III (Catacomb 1), Kayakent VI, and the Torpakh-kala settlement. It delves into aspects such as their decoration, purpose, chronology, and origin. A total of seven vases (excluding fragments) were identified across the mentioned sites, each possessing distinctive features. During this period, vases were not as common as other types of ordinary ceramic tableware and are notably absent in the archaeological sites of the mountain and foothill regions of Dagestan. Analogies to these vases in Dagestan are recorded in sites from Northeast Azerbaijan (e.g., Serkertepe settlement, Garachay burial ground etc.) as well as in sites of Central and Eastern Anatolia, Northwestern Iran, and other regions. The abundance and size variety of “fruit-stands”, previously classified as ritual vessels, on Late Chalcolithic sites in Anatolia suggests a regional origin for this ceramic tradition. In the East Caucasus region, these vessels emerge in the early 3rd millennium BC and persist until the middle of the 3rd millennium BC.

Keywords: Eastern Caucasus; Dagestan; Early Bronze Age; Kura-Araxes Cultural-Historical Community; ceramic ware; fruit-stands

For citation: Budaichiev A.L. Ceramic Fruit-stands from the Early Bronze Age Sites of Coastal Dagestan. *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*. 2023. Vol. 19. N.4. P. 1011–1030. doi.org/10.32653/CH1941011-1030

Введение

Одной из редких категорий керамических изделий на памятниках Дагестана куро-аракской культурно-исторической общности (КИО) являются сосуды, именуемые вазами. В отечественной литературе они еще не были предметом специального изучения. Имеется только краткий обзор в книге Р.Г. Магомедова [1, с. 16–17], в которой автор сопоставляет местные вазы с подобными из поселения Серкер-тепе (Северо-Восточный Азербайджан) и указывает на отдельные параллели указанным сосудам.

С памятников Приморского Дагестана эпохи ранней бронзы – поселение Торпах-кала, Великентский могильник I (катакомба 8), Великентский могильник III (катакомба 1), Каякентский VI грунтовый могильник – происходят семь археологически целых керамических ваз (рис. 1), не считая обломков, также принадлежавших вазам. Они представляют собой двухчастные сосуды в виде округлобоких или с прямыми стенками мисок на высоких полых поддонах, высота которых составляет не менее $1/3$ высоты сосуда. Определить принадлежность тех или иных найденных при раскопках фрагментов именно вазам удастся, главным образом, по обломкам полых поддонов, т.к. находимые фрагменты венчиков и стенок могли принадлежать не вазам, а собственно мискам (типологию мисок см.: [2, с. 33–53]). Замечу, что к категории ваз нами не отнесены широкоустная двуручная миска на низком поддоне (высота составляет $1/6$ высоты сосуда) и одноручный кубок в форме глубокой чаши с врезным пояском из заштрихованных треугольников на высоком поддоне, происходящие из Каякентского могильника VI [1, с. 10, 13–15, рис. 4, 4, 5, 6]. Названные выше памятники, наряду с другими памятниками Северо-Восточного Кавказа раннего бронзового века, включаются Р.Г. Магомедовым в выделенную им великентскую культуру куро-аракской культурно-исторической общности [3, с. 38–44; 4, с. 687–696; 5, с. 157–166].

Типология

Мы ограничиваемся классификацией ваз, основанной на целых экземплярах, хотя по форме, размерам, характеру оформления поддонов могут быть выделены отдельные подтипы. В основе предлагаемой типологии лежит форма основных конструктивных элементов вазы – миски и ее поддона. Каждая из ваз имеет отличительные морфологические особенности, которые обуславливают их выделение в отдельный тип. С накоплением нового материала данная типология может быть доработана, пересмотрена.

Тип I – массивная ваза (толщина стенок 1,5–2 см) в форме широкоустной с почти прямыми стенками миски с воротничковым бортиком на высоком трехсекционном гофрированном поддоне (рис. 2, 1). Ваза снабжена горизонтально-трубчатой ручкой (с отходящими в стороны «усиками»), расположенной у края венчика сосуда. У основания поддона имеется круглое отверстие ($d = 2,8$ см). Внешняя поверхность сосуда – коричнево-охристая, заглаженная. Параметры вазы: $H = 23,8$ см, d устья = 38 см, h поддона = 13,8 см, d основания поддона = 12 см. Соотношение высоты вазы и ее поддона составляет 1:0,58, высоты вазы и диаметра устья – 1:1,6.

Ваза была найдена *in situ* на глинобитном полу верхнего (заключительного) горизонта поселения Торпах-кала в слое сильного пожара, уничтожившего жилище¹. С этого же уровня поселения происходит еще свыше двух десятков керамических сосудов, лежавших на полу, а также многочисленные обломки сосудов².

Тип II – ваза в форме широкоустной округлобокой миски с воротничковым утолщением на высоком коническом поддоне с бортиком у основания, украшенным опоясывающими двойными врезными зигзагообразными линиями (рис. 3, 1). Происходит из разрушенного погребения Каякентского могильника VI [1, с. 13, рис. 4, 3; 6, р. 147, fig. 2, 12]. Ваза снабжена петлевидной ручкой, расположенной у края венчика, декорированного с внутренней стороны врезным двойным зигзагообразным пояском. С противоположной стороны имеются два конических налета. Посередине поддона расположены друг против друга четыре круглых отверстия ($d = 1,1$ см). Внешняя поверхность сосуда – светло-коричневая, заглаженная. Параметры вазы: $H = 17$ см, d устья = 27 см, h поддона = 8 см, d основания поддона = 14 см. Соотношение высоты вазы и ее поддона составляет 1:0,47, высоты вазы и диаметра устья – 1:1,58.

Следующие три типа ваз происходят из катакомбы 8 Великентского I могильника, в которой обнаружено около 500 керамических сосудов (миски, баночные сосуды, горшки, кружки и др. – хранятся в Археологических фондах ИИАЭ ДФИЦ РАН) [7, с. 135, рис. 26].

Тип III – ваза в форме глубокой широкоустной, с почти прямыми стенками разложистой миски на конусовидном поддоне (в виде перевернутой миски с прямыми стенками). Ваза снабжена расположенными у устья сосуда усовидными ленточными ручками с желобками наверху (рис. 3, 4) [7, с. 135, рис. 26, 17]. В средней части поддона расположены три равноудаленных круглых отверстия ($d = 2,5$ см). Внешняя поверхность сосуда – серо-коричневая, лощеная. Параметры вазы: $H = 18,5$ см, d устья = 28 см, h поддона = 8 см, d основания поддона = 19 см. Соотношение высоты вазы и ее поддона составляет 1:0,43, высоты вазы и диаметра устья – 1:1,51.

Тип IV – ваза в виде разложистой миски с внутренним утолщением у венчика на приземистом поддоне без отверстий (рис. 3, 3). На сосуде сохранилась одна ручка усовидно-ленточной формы. Внешняя поверхность сосуда коричневая, лощеная. Параметры вазы: $H = 12,7$ см, d устья = 23 см, h поддона = 5 см, d основания поддона = 11 см. Соотношение высоты вазы и ее поддона составляет 1:0,39, высоты вазы и диаметра устья – 1:1,8.

Тип V – ваза в виде миски с прямыми стенками с небольшим округлым внутренним бортиком, на высоком конусовидном поддоне с двумя круглыми отверстиями ($d = 1,6$ см) (рис. 3, 2). Сосуд снабжен двумя, расположенными друг против друга, маленькими полушарными ручками с желобками наверху. Внешняя поверхность сосуда – серо-коричневая, лощеная. Параметры вазы: $H = 13$ см, d устья = 16 см, h поддона = 7 см, d основания поддона = 11 см. Соотношение высоты вазы и ее поддона составляет 1:0,54, высоты вазы и диаметра устья – 1:1,23.

Тип VI – вазы-погремушки. Их обнаружено две: одна (рис. 4, 1) происходит из поселения Торпах-кала, вторая (рис. 4, 2) – из катакомбы 1 Великентского

1. Гаджиев М.С. Отчет о работе Дербентской археологической экспедиции в 2001 г. Махачкала, 2002 // Архив ИИАЭ ДФИЦ РАН. Ф. 3. Оп. 3. Д. 916/10172. С. 83, рис. 46, 5.

2. Там же, с. 81-86.

могильника III. Они представляют миски на более высоких ($2/3$ и более высоты сосуда) поддонах, имеющих внутри полую камеру, в которую помещены небольшие округлые камешки или керамические шарики. Обе вазы-погремушки имеют общую конструкцию, но отличаются размерами, деталями.

Великентская ваза-погремушка (рис. 4, 2) имеет форму миски с прямыми стенками на коническом поддоне без отверстий, с двумя противоположно расположенными ручками (сохранилась одна) [3, p. 147, fig. 2, 9]. Внешняя поверхность сосуда коричневая, лощеная. Параметры вазы: $H = 14,3$ см, d устья = 15 см, h поддона = 9,3 см, d основания поддона = 11,7 см. Соотношение высоты вазы и ее поддона составляет 1:0,65, соотношение высоты вазы и диаметра устья – 1:1,05.

Торпахкалинская ваза-погремушка (рис. 4, 1) имеет высокий поддон, на котором располагалась округлобокая миска (из-за отсутствия фрагментов не стыкуется с поддоном); на корпусе миски имелась ручка, от которой сохранилась часть удлиненного усика. Верхняя часть поддона гофрирована четырьмя обводящими желобками, разделяющими эту часть вазы на три секции; нижняя часть поддона имеет колоколовидную форму с двумя круглыми отверстиями ($d = 1,6$ см) и украшена врезной геометрической композицией из прямых и тройных зигзагообразных и волнистых линий. Во внутренней полости поддона имеются, судя по характерному звуку, пять шариков (из глины?). Поверхность сосуда красно-охристая, местами серая, слаболощенная. Параметры вазы: приближительная $H = 20-21$ см, d устья = 22 см, h поддона = 14,5 см, d основания поддона = 12 см. Соотношение высоты вазы и ее поддона составляет 1:0,7, высоты вазы и диаметра устья – 1:1,05. Ваза обнаружена, как и другие сосуды, на глинобитном полу сгоревшего помещения внутри круглого керамического переносного очага с гофрированным поддоном³.

В представленной типологии мы ограничились археологически целыми экземплярами. Но, как видно, основной отличительной особенностью рассматриваемых ваз являются различные поддоны. Большое количество фрагментов разнообразных поддонов с темно-коричневой, темно-серой и серой лощеной поверхностью (рис. 2, 2-8), происходящих из поселения Торпах-кала, где этот тип керамической посуды выступает характерным, позволяет выделять и отдельные подтипы ваз, различающиеся по форме (гофрированные и гладкостенные), размерам (высокие, низкие), с отверстиями и без таковых, оформлению (с и без декора). Но на данном этапе, когда в наличии фрагментированные экземпляры, мы воздерживаемся от более дробной классификации ваз.

Фрагменты ваз, но в единичных экземплярах, были найдены и на других памятниках Приморского Дагестана. Так, среди керамики катакомбы 1 Великентского могильника III, помимо описанной целой вазы-погремушки, представлены миска (d венчика = 13 см) с прямыми стенками и одной ручкой от вазы и обломок поддона ($d = 9$ см). Укажу также на поддон ($d = 12$ см, $h = 4,5$ см) с одним отверстием ($d = 1,2$ см) вазы из Каякентского поселения V [1, с. 18, рис. 6, 5], по форме аналогичный поддону вазы типа IV из Великентской катакомбы.

3. Там же, с. 85-86, рис. 11, 4, 46, 4, 51, 5, 59, 1.

Аналогии и параллели

Ближайшие аналогии данным керамическим вазам с территории Приморского Дагестана находим на поселении Серкер-тепе (Северо-Восточный Азербайджан) эпохи ранней бронзы, в керамическом комплексе которого представлены немалочисленные «сосуды с широким колоколовидным поддоном (с двумя-тремя отверстиями), плавно расширяющейся верхней частью и загнутым венчиком» [8, с. 40, табл. XXVII, 1-4; XXVIII, 1-3; XXIX, 1-3] (рис. 5). Здесь выделяются две морфологические группы ваз – на низком (рис. 5, 1-5, 7, 8) и на высоком (рис. 5, 6, 9, 17) поддонах. Некоторые из серкерттепских ваз по форме близки великентской вазе (тип III), у которых поддоны являются перевернутым повторением верхних частей (рис. 3, 4). Также на Серкер-тепе присутствует одноручная ваза (рис. 5, 9) с бортиком-уступом в основании поддона, что сближает ее с каякентской вазой (тип II) (рис. 3, 1). Но наибольшее сходство в формах, деталях, декоре вазы Серкер-тепе проявляют с вазами из Торпах-калы: исследователи уже обращали на это внимание, и это дало основания вместе с другими материалами поставить вопрос о выделении великентской культуры куро-аракской КИО [9, с. 281].

Из могильника Гарачай (Северо-Восточный Азербайджан) сер. III тыс. до н.э. происходят 9 сероглиняных двуручных ваз ($h = 14-20$ см) с круглыми и овальными отверстиями на поддоне [10, s. 119, şək. 5, 6] (рис. 6), которые почти идентичны вазам из Великента (типы III, V). Автор раскопок, отмечая близость памятников эпохи ранней бронзы Северо-Восточного Азербайджана и Южного Дагестана, также поставил вопрос о выделении восточно-кавказской культуры куро-аракской КИО и ряда ее локальных вариантов [10, s. 120–122].

Среди подъемного материала с поселений раннебронзового века Кучумхантепе, Гевдешантепе, Фильтртепе I, Чаккалыктепе в Северо-Восточном Азербайджане также представлены фрагменты полых поддонов ваз [11, рис. 2-Б, 1-2; 6-Б, 12; 10-А, 5; 16, 22]. Судя по их специфическим деталям (форма, отверстия, резной декор), очевидно, что они принадлежат именно сосудам типа ваз.

Относительно близкие аналоги восточно-кавказским вазам на высоких поддонах мы находим на территории Анатолии. Традиция производства сосудов этого типа получила распространение здесь, особенно в бассейнах Кызылырмака и Верхнего Евфрата, в позднем халколите (энеолите). Прежде всего следует упомянуть поселение Арслантепе, в «дворцово-храмовом» комплексе которого, относящемся к позднему халколиту (период VIA), были обнаружены образцы красно-черных и кремового цвета разнотипных сосудов в виде широкоустных мисок на высоких поддонах (с различным оформлением основания, с отверстиями и без таковых), условно именуемых в западной литературе *fruit-stands* – «фруктовницы» [12, p. 45, fig. 4, 8; 13, p. 175, fig. VIII.1, b, f; 14, fig. 4, a-c, 15, f-i; 15, fig. 4, a-b; 16, p. 189, fig. 13.2, a, d; 17, fig. 12, c; общий обзор см.: 18, p. 85–97] (рис. 7, 14-20). Верхние части таких сосудов представлены как широкоустными мисками, некоторые – с загнутыми краями, так и глубокими чашами. «Фруктовницы» с Арслантепе являются самыми крупными в данной категории образцами керамики.

В числе памятников позднего халколита Анатолии, на которых представлены рассматриваемые сосуды, следует назвать также Аладжа Хююк, Алишар Хююк, Чадыр Хююк, Тепеджик [18, p. 85-87].

С некрополя Ашагы Салат (долина Верхнего Тигра), датируемого переходным периодом от халколита к раннему бронзовому веку (3300–2900 до н.э.), происходят более десятка сосудов малых форм ($h = 10-15$ см) с чашевидным корпусом ($d = <20$ см) на относительно высокой ($h = 6-8$ см) «ножке-пьедестале», относимых к типу «фруктовниц» [19, p. 50, fig. 13]. Особый интерес представляют находки подобных, весьма небольших ($h = 4-9$ см) сосудов в форме миски на поддоне в святилище периода РБВ II (2800/2700–2600/2500 гг. до н.э.) в Бейджесултане (Западная Анатолия), что дало основания видеть в них вотивные изделия [20, p. 43–45; цит. по: [18, p. 90].

Сосуды типа ваз разных размеров, относящиеся к переходному этапу от халколита к раннему бронзовому веку, представлены и на памятниках Восточной Анатолии (Коруджутепе, Муслимантепе, Норсунтепе, Тепеджик, Хаджинеби, Хассек Хююк, Шарага) [21, fig. 106, 2; 22, p. 67, pl. 2, 7, 8; 23, p. 202, fig. 7, 8, F; 24, p. 365, fig. 5, 8-11; 25, fig. 4; 26, p. 381, fig. 6, 7; 27, fig. 6, 20].

Территория Северного Ирана также входила в орбиту распространения таких специфических сосудов как вазы-«фруктовницы». В энеолитическом слое поселения Яник-тепе (Северо-Западный Иран) встречены невысокие вазоподобные сосуды на поддоне [28, рис. 16, 7-8]. В слоях РБВ IIA, IIB могильника Шах-тепе (Северо-Восточный Иран) выявлена серия керамических сосудов на поддонах в виде плоских «тарелок» и глубоких мисок, опирающихся на ножку «стеблевидной» формы или на цилиндрическую ножку с расширяющимся коническим основанием [29, p. 182-184, fig. 345b, 350, fig. 223, no. 1704-1705, fig. 236, no. 618].

Декор и назначение vaz

Среди рассматриваемых vaz Дагестана только на поселении Торпах-кала представлены экземпляры, декорированные врезным орнаментом. Судя по имеющимся фрагментам, украшались поддоны многорядными поясками из волнистых и прямых линий, зигзагов (рис. 2, 4-6, 8, 10). Выше отмечалось, что в своем декоре торпахкалинские вазы имеют ближайшие аналоги с вазами из Серкер-тепе, поддоны которых украшались таким же врезным опоясывающим орнаментом из прямых, зигзагообразных и волнистых линий (рис. 5, 10-13, 15-17). На обоих поселениях, как и на других памятниках, верхние части vaz не подвергались декорированию. Исключение составляет ваза из Каякентского могильника (рис. 3, 1), у которой основание поддона и внутренняя часть устья украшены двойным зигзагом. Заметим, что врезной декор на анатолийских вазах встречается крайне редко [30, taf. 40, 11/13].

Очевидно, декоративную, нежели утилитарную нагрузку несли одна-две маленькие, с узкими отверстиями горизонтально-трубчатые или ленточные (с отходящими от основания ручки «усиками») ручки, размещённые у внешнего края устья vaz. Хотя, возможно, они могли использоваться для продевания шнура и подвешивания вазы, на что неоднократно обращалось внимание, но отметим отсутствие следов стертости на ручках.

Отверстия на поддонах многих vaz, как с низкими, так и с высокими поддонами, в определенной степени также несут фигурно-декоративную нагрузку. Судя по имеющимся экземплярам, поддоны имели 1-4 небольших круглых отверстия ($d = 1,1-2,5$ см). Назначение их не ясно. Нередко подобные сосуды с вырезами на высоких

поддонах рассматриваются как курильницы (см., напр.: [31, с. 31-34, рис. 1]). Если для ваз с низким поддоном можно предполагать их использование для разогрева содержимого в верхней чаше с помощью углей, положенных в полый поддон, то для чаш с высоким поддоном разогревание содержимого в чаше таким образом по понятной причине невозможно. Здесь мы выходим и на вопрос назначения сосудов данного типа.

Исследователи предполагают, что «фруктовницы» могли использоваться для нагревания жидкости, о чем свидетельствуют капли масла и пятна на их чашах [18, р. 89]. Данные по Анатолийскому региону позволяют рассматривать такие сосуды, как культовые, ритуальные. Большинство экземпляров их в Арслантепе VIA было найдено в храмах у алтаря и подиума (храмы А и В), а также в специальных местах в домах элиты. Исследователи полагают, что «фруктовницы» из Арслантепе могли использоваться в качестве культовых сосудов для употребления особых продуктов и напитков, либо для приема пищи в особых ритуальных контекстах и случаях для нескольких человек, вероятно, с высоким статусом [13, р. 175; 15, р. 71; 17, р. 38]. По мнению Дж. Палумби, они использовались как «горелки или сосуды с драгоценными жидкостями и эссенциями, используемые в ритуальных и церемониальных практиках (что объясняет их присутствие в храме)» [12, р. 45]. Признается, что такие сосуды использовались в разных ритуалах, но не в домашней (бытовой) деятельности [14, р. 112; 18, р. 89].

Находки таких небольших вотивных *fruit-stands* в святилище Бейджесултана [20, 1962, р. 43-45; цит. по: 18, р. 90] также указывают на их ритуальное назначение. Наконец, отмечено использование *fruit-stands* в погребальной практике не только как подношение, положение в могилу (Аладжа Хююк), но и в качестве крышек горшочных погребений (*pot burials*) (Алишар Хююк, Чадыр Хююк) [18, р. 89].

Касательно материалов Восточного Кавказа также можно предполагать использование ваз в каких-то ритуалах. По мнению М.Г. Гаджиева, сосуды на поддонах из Великентской катакомбы № 8 возможно использовались в качестве емкостей для «жертвенной влаги при совершении ритуальных возлияний» [7, с. 223, рис. 25, 17].

В сравнении с другими типами керамической посуды вазы на поддонах малочисленны в памятниках раннего бронзового века Приморского Дагестана, и можно полагать, что они предназначались не для повседневного пользования, а для принятия «празднично-ритуальной пищи». Но следует обратить внимание на их относительно большое количество в культурных слоях Торпах-калы и Серкер-тепе, тогда как культовые сосуды, встречаемые при раскопках, обычно бывают редки. Это, как видится, в контексте обнаружения ваз в Торпах-кале может предполагать их использование в узкосемейных церемониях, а не в коллективных общинных ритуалах.

На поселении Торпах-кала две вазы обнаружены вместе с другими многочисленными керамическими сосудами на полу сгоревшего жилища. Целая ваза (рис. 2, 1) была найдена лежащей перевернуто между двумя скоплениями специально уложенных зернотерок, а ваза-погремушка (рис. 4, 1) стояла *in situ* внутри круглого переносного очага⁴. Такое положение этих ваз вроде может указывать на их культовое назначение и связь с зерновым производством, памятуя о роли очага в памятниках куро-араксской КИО, как сакрального объекта, домашнего «алтаря», и значении зерна, как божественного дара, символа плодородия, изобилия. В этой связи обратим внимание,

4. Там же, с. 83, 85–86, рис. 9, 11, 32.

что на поселении Серкер-тепе одна из ваз была заполнена зерном, что, правда, дало основание автору раскопок предположить, что данные сосуды использовались в качестве своеобразных мерок для определения веса или обмена [8, с. 40].

В ритуальном назначении ваз-погремушек (рис. 4), очевидно, можно не сомневаться. В качестве близкой регионально, но хронологически удаленной параллели, можно упомянуть ритуальные курильницы-погремушки в форме чаш-пиал на невысоких замкнутых полых поддонах с глиняными шариками внутри из Таркинского и Черкезкутанского могильников рубежа эр Приморского Дагестана [32, с. 221, рис. 2, 14, 3, 2]. Несмотря на большой хронологический разрыв, эти и другие предметы и явления, как на то уже обращалось внимание, отражают типологически сходные исторические процессы, происходившие на территории Северо-Восточного Кавказа в раннем бронзовом веке и в албано-сарматский период и отразившие социально-экономическое и культурно-историческое развитие общества, в т.ч. в сфере религиозно-идеологических представлений [33, с. 241]. О значении погремушек, предметов, вызывающих шум, звон в верованиях и ритуальной практике многих народов мира хорошо известно по историко-этнографическим и археологическим данным. Вазы-погремушки, курильницы-погремушки, по мысли верующих, могли являться магическим средством для изгнания злых духов [32, с. 221].

Наконец обратим внимание на то, что среди металлических, высоко ценившихся и социально показательных сосудов Анатолии представлены и происходящие из элитных погребений периода РБВ III (2400–2000 гг. до н.э.) кубки на высоких полых ножках – три золотых (Аладжа Хююк, Махматлар) и бронзовый (Хорозтепе) [34, с. 27–31, рис. 3, 2, 4, 4, 2, 5, 2], которые типологически близки более ранним вазам-«фруктовницам» из анатолийских и других памятников (Аладжа Хююк, Арслантепе VIA, Шах Тепе и др.) (см., напр.: [16, fig. 13.2, a; 29, p. 182, 223, fig. 345, b, no. 1704]). Как считают, эти сосуды использовались в общественных ритуалах (торжественных трапезах, погребальных церемониях, храмовых жертвоприношениях) [31, с. 37]. По мнению Л.И. Авиловой, керамические сосуды являлись имитациями металлических в связи с редкостью и ценностью последних [31, с. 23]. Но касательно металлических кубков, учитывая, что керамические «фруктовницы» являются более ранними, можно считать, что этого типа металлические сосуды являлись репликами керамических форм.

Хронология и происхождение

Происхождение анатолийских ваз ранее рассматривалось как один из показателей связей Центральной Анатолии и Балкан в конце IV тыс. до н.э. на основе находок ваз на высоких поддонах с врезным декором позднего халколита на поселении Тилкибурну (европейская часть Турции) [35, p. 238–246]. Но как отметила Х. Чалышкан Акгюль, примеры таких сосудов на высоких ножках известны на ряде памятников более раннего времени: на поселениях халколита Бююк Гюллюджек, Аладжа Хююк (между слоями 8–13), Алишар Хююк (между слоями 12–16), а также на поселениях среднего халколита Тепеджик-Чифлик, Кошк Хююк [18, p. 88]. При этом исследовательница резонно замечает, что необходимо различать сосуды на высоких и низких ножках по хронологии, форме и функции, и предполагает, что

традиция высокоствольных чаш (*high-stemmed bowls tradition*) бассейна Кызылырмак, возможно, эволюционировала из короткоствольной керамической традиции (*short-stemmed ceramic tradition*) [18, р. 88]. Последняя фаза периода Арслантепе VII, в которой появляются *fruit-stands* датируется около 3500 г. до н.э., а период Арслантепе VIA, для которого характерны вазы-«фруктовницы», охватывает диапазон 3400–3100 гг. до н.э.; слои поселений, где представлены рассматриваемые сосуды, датируются в близком диапазоне: для Тепеджик предложена дата 3644–3376 гг. до н.э., для Чадыр Хююк – 3620–3590 гг. до н.э. [18, р. 90–91]. Таким образом, можно говорить о Центральной Анатолии как территории зарождения рассматриваемой керамической традиции, откуда она распространилась в соседние регионы, в частности, в Юго-Восточную Анатолию, Месопотамию [18, р. 90] и на Восточный Кавказ.

Более полувека назад авторы монографии «Древние культуры Южного Кавказа (V–III тыс. до н.э.)» отмечали, что одной из наиболее древних форм посуды (несущих в себе черты предшествующей эпохи) в нижних горизонтах поселения Квацхелеби являются вазы на поддонах, сопоставлявшиеся с подобными типами керамики из энеолитических памятников Северного Ирана (Яник-тепе, Гиссар) и Северной Месопотамии (Халаф) [36, с. 142–143, 149, рис. 26, 21]. В энеолитических памятниках Восточного Кавказа сосуды подобной формы не представлены, что говорит об отсутствии генетических связей с предшествующей эпохой и позволяет рассматривать их как привнесенную в раннем бронзовом веке керамическую традицию.

К настоящему времени мы располагаем всего несколькими датами ¹⁴C для раннебронзовых памятников, откуда происходят рассматриваемые сосуды. В первую очередь – это дата для катакомбы 1 могильника Великент III, которая относительно синхронна другим ранним катакомбам могильников Великент I и II: 1-я σ – 2865–2505 гг. до н.э.; 2-я σ – 2879–2474 гг. до н.э. [37, с. 557]. И вторая дата (Bln-5374) – 1-я σ – 2920–2760 гг. до н.э.; 2-я σ – 2930–2690 гг. до н.э. – из слоя поселения Торпах-кала, в котором представлены рассматриваемые вазы [9, с. 281]. Опираясь на эти даты с привлечением хронологических данных Северо-Восточного Азербайджана (Гарачай, Серкер-тепе и др.), а также Анатолии (Троя I, ок. 2900–2600 гг. до н.э. – см.: [38, с. 231; 39, р. 157–199] и др.) и Месопотамии (комплексы периодов РБВ IB, 2900/2800–2700/2650 BC и РБВ II, 2800/2700–2600/2500 BC – см.: [18, р. 88]), где представлены сосуды этого типа, можем констатировать, что вазы в Приморском Дагестане и Северо-Восточном Азербайджане появились в нач. III тыс. до н.э. и бытовали почти до сер. III тыс. до н.э.

В последующую, среднебронзовую, эпоху вазы в памятниках Дагестана не представлены, но на Южном Кавказе, хоть и в небольшом количестве, данная форма керамики продолжает встречаться, о чем свидетельствует материал Шахтагинского могильника Азербайджана [40, с. 166, табл. XXXI, 5, 10]. В качестве параллели добавим, что в слоях среднего бронзового века телля Юнаците присутствует одна из типичных анатолийских форм «фруктовниц» [41, рис. 2, 12]. Данная ваза имеет близкие параллели с рассматриваемыми восточно-кавказскими типами.

Заключение

Таким образом, зародившись в энеолитическую эпоху около сер. IV тыс. до н.э. в Центральной Анатолии (Аладжа Хююк, Алишар Хююк, Чадыр Хююк и др.) [12, р. 45], вазы на поддонах, как яркий элемент раннеземледельческих культур, распространяются в пределах между 3500–3250 гг. до н.э. на восток [42, с. 9] в верховьях Евфрата (Арслантепе, Норсунтепе, Тепеджик и др.) и Юго-Восточную Анатолию (Ашагы Салат, Муслимантепе, Хаджинеби, Хассек Хююк). Далее в этот переходный период от энеолита к РБВ они получают распространение в Месопотамии, продвигаются на территорию Иранского нагорья (Яник-тепе, Гиссар, Шах Тепе) и далее вплоть до Индостана (Хараппа, Зхоб, Джхукар). В нач. III тыс. до н.э. волна распространения этой керамической традиции и, вероятно, связанной с ней ритуально-культовой практикой проникает на территорию Восточного Кавказа (могильники Великент I, II, Гарачай, поселения Серкер-тепе, Торпах-кала и др.), который входит в ареал раннеземледельческих культур, где этот элемент материальной и духовной культуры вошел в употребление и приобрел значение в жизни племен куро-аракской КИО. Границы распространения рассматриваемых vaz на Восточном Кавказе на данный момент выглядит следующим образом: некрополь Гарачай является самым западным местом их находок [10, s. 120], а Каякентский могильник – самым северным.

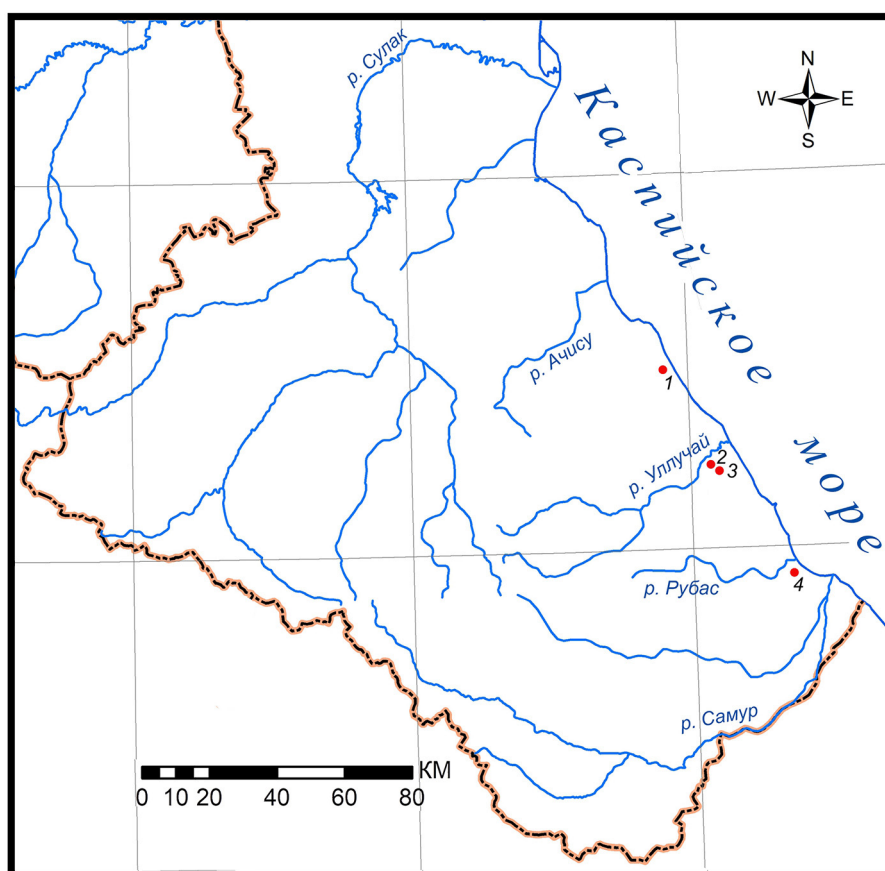

Рис. 1. Карта части Дагестана с указанием местоположения памятников, на которых обнаружены керамические вазы-«фруктовницы»: 1 – Каякентский могильник VI, 2 – Великентский могильник I, 3 – Великентский могильник III, 4 – поселение Торпах-кала

Fig. 1. A map of a part of Dagestan indicating the location of the sites where ceramic fruit-stands were found: 1 – Kayakent burial ground VI, 2 – Velikent burial ground I, 3 – Velikent burial ground III, 4 – Torpakh-kala settlement

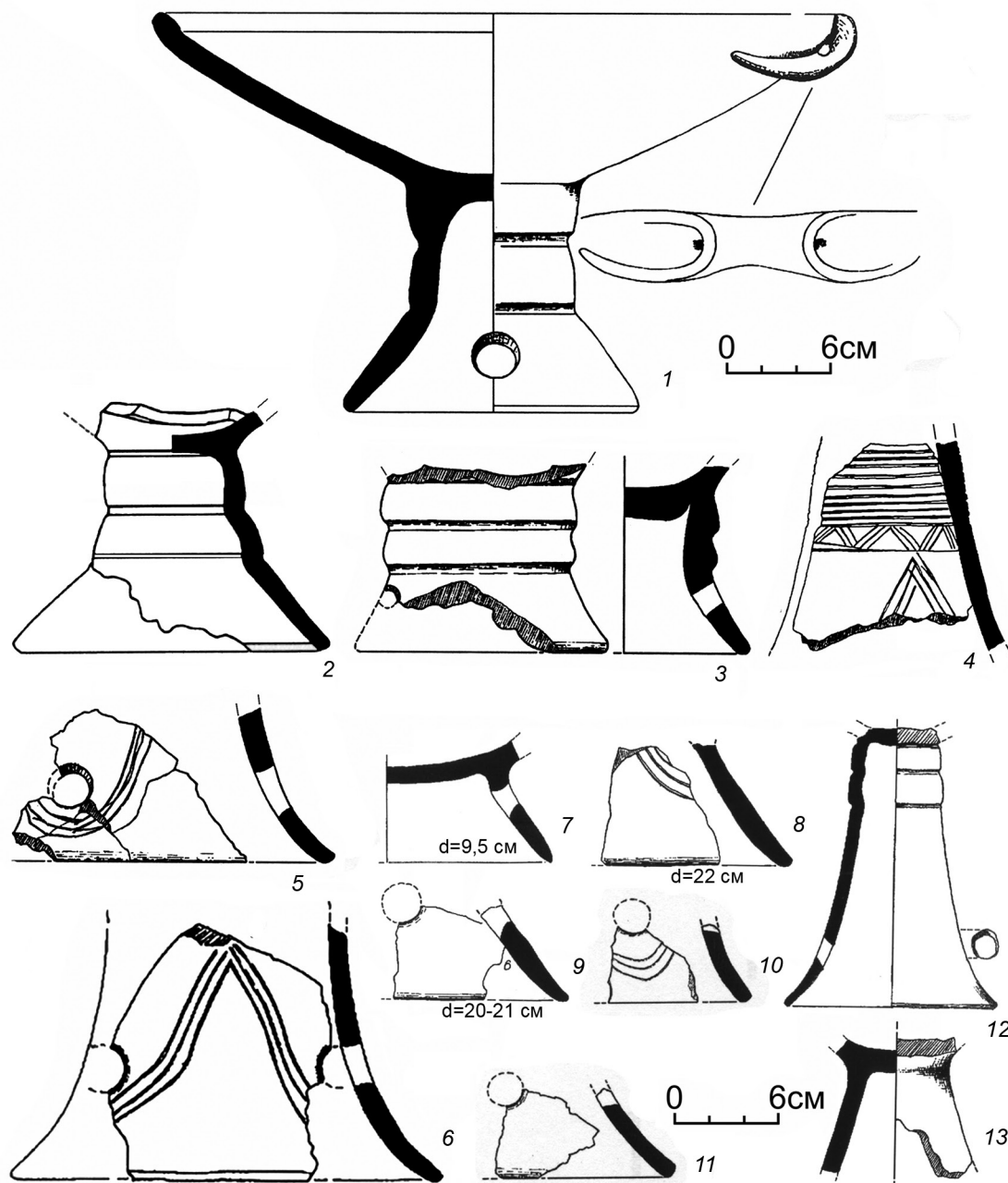

Рис. 2. Поселение Торпах-кала. Керамические вазы-«фруктовницы»
(по: Гаджиев М.С., 2002).

Fig. 2. Torpakh-kala settlement. Ceramic fruit-stands
(on: Gadjev M.S., 2002)

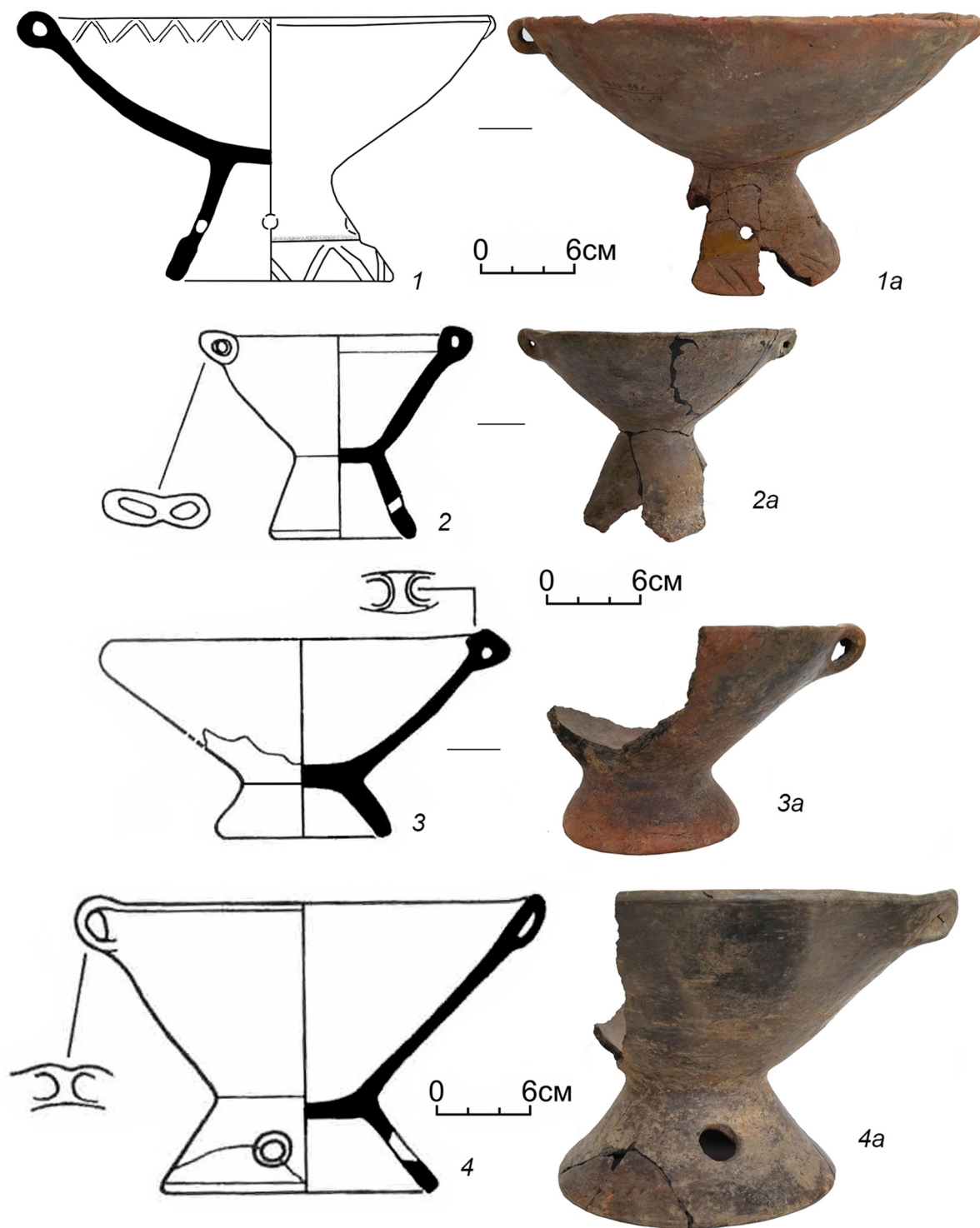

Рис. 3. Керамические вазы-«фруктовницы»: 1 – Каякентский могильник VI, 2-4 – Великентский могильник I (1 – по: Магомедов, 2000; 4 – по: Гаджиев М.Г., 1991)

Fig. 3. Ceramic fruit-stands: 1 – Kayakent burial ground VI, 2-4 – Velikent burial ground I. (1 – on: Magomedov, 2000; 4 – on: Gadjiev M.G., 1991)

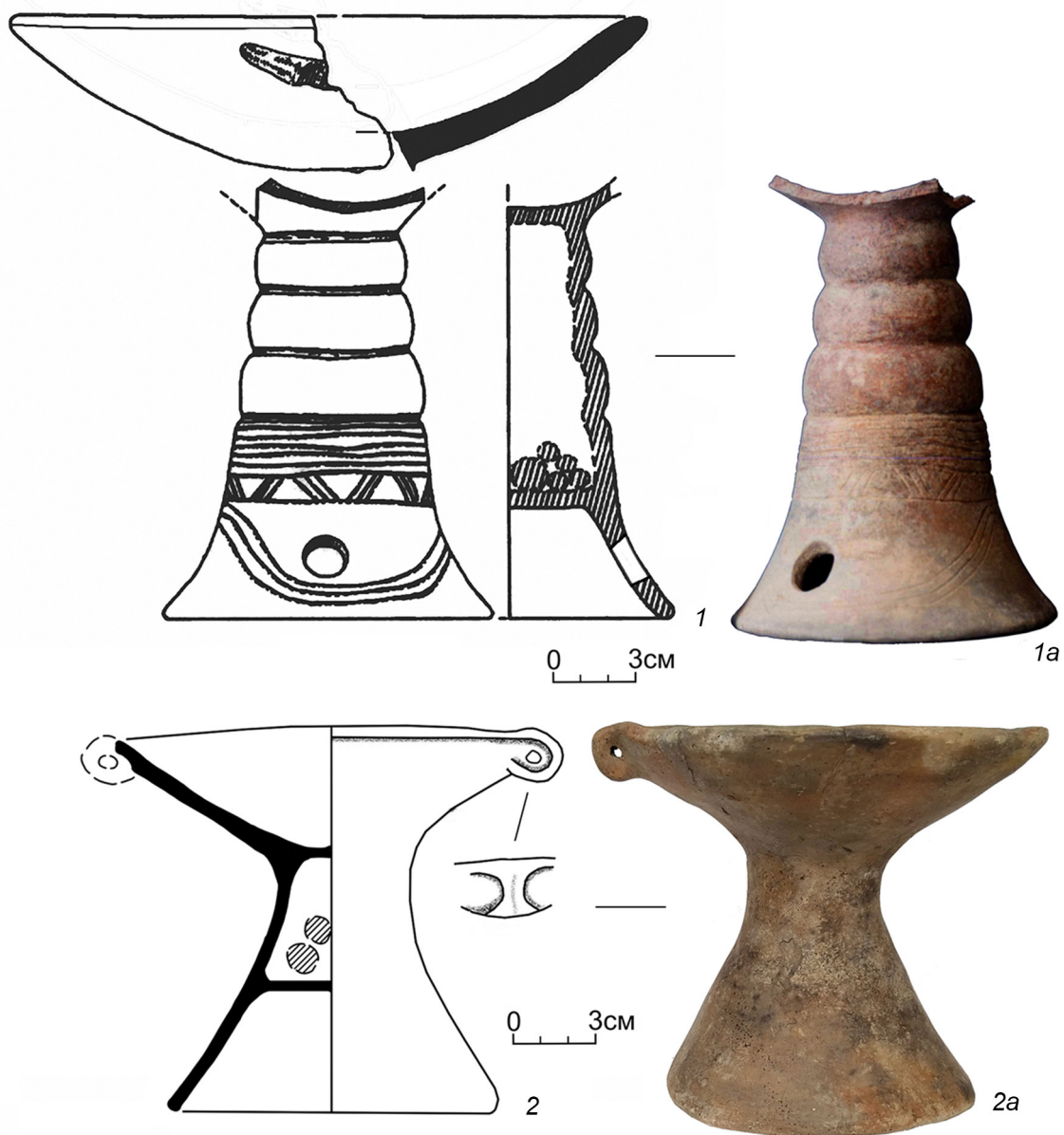

Рис. 4. Керамические вазы-«погремушки»:
 1 – поселение Торпах-кала, 2 – Великентский могильник III
 (1 – по: Гаджиев М.С., 2002; 2 – по: Magomedov, 2006)

Fig. 4. Ceramic fruit-stands – rattles:
 1 – Torpakh-kala settlement, 2-4 – Velikent burial ground III
 (1 – on: Gadжиеv M.S., 2002; 2 – on: Magomedov, 2006)

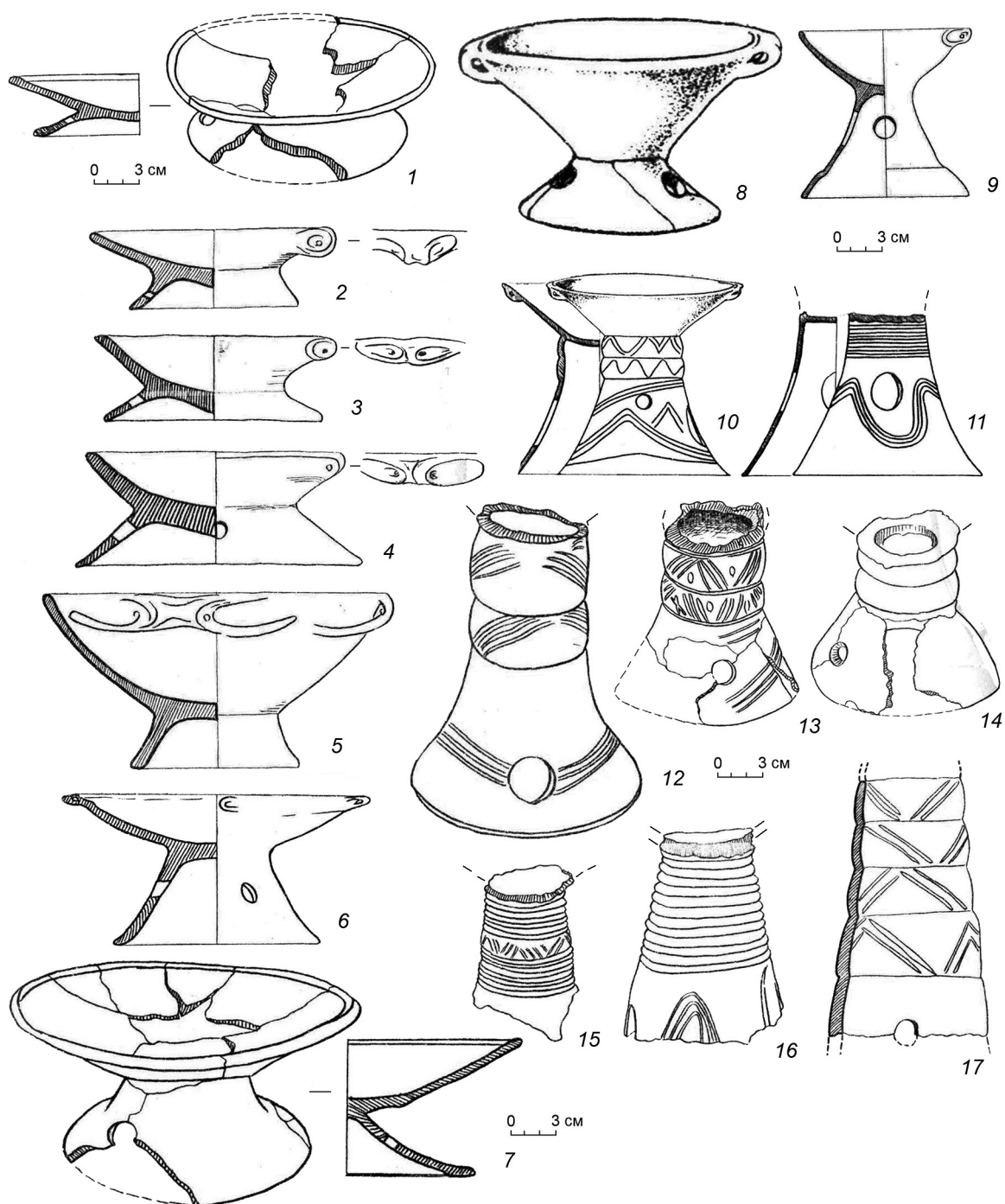

Рис. 5. Поселение Серкер-тепе. Керамические вазы-«фруктовницы» и миски на низких поддонах (по: Мусаев, 2006)

Fig. 5. Serker-tepe settlement. Ceramic fruit-stands and short-stemmed bowls (on: Musaev, 2006)

Рис. 6. Могильник Гарачай. Керамические вазы-«фруктовницы» (по: Müseyibli etc., 2017)

Fig. 6. Garachay durial ground. Ceramic fruit-stands (on: Müseyibli etc., 2017)

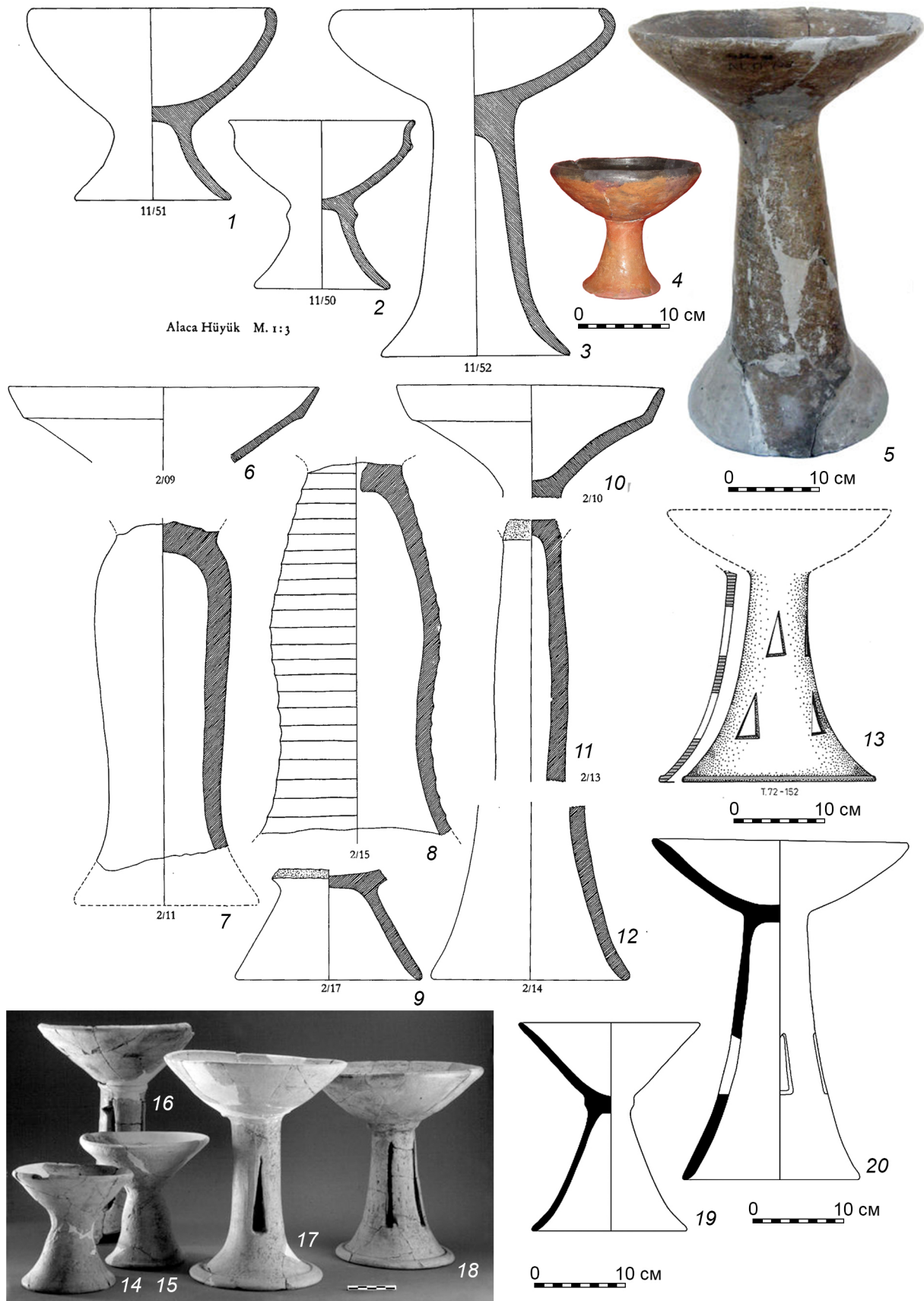

Рис. 7. Керамические вазы-«пруктовницы» из памятников Анатолии:
 1-5 – Аладжа Хююк, 6-12 – Алишар Хююк, 13 – Тепеджик, 14-20 – Арслантепе
 (1-3, 6-12 – по: Orthmann, 1963; 4, 5, 14-20 – по: Çalişkan Akgül, 2020; 13 – по: Dikkaya, 2003)

Fig. 7. Ceramic fruit-stands from the sites of Anatolia:
 1-5 – Alaca Höyük, 6-12 – Alişar Höyük, 13 – Tepecik, 14-20 – Arslantepe
 (1-3, 6-12 – по: Orthmann, 1963; 4, 5, 14-20 – по: Çalişkan Akgül, 2020; 13 – по: Dikkaya, 2003)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Магомедов Р.Г. Материалы к изучению эпохи бронзы в Приморском Дагестане. Махачкала, 2000. – 119 с.
2. Будайчиев А.Л. Миски эпохи ранней бронзы Приморского Дагестана (вопросы типологии, декора, хронологии) // Нижневолжский археологический вестник. Т. 22. № 2. 2022. С. 33–53.
3. Магомедов Р.Г. К вопросу о выделении и интерпретации великентской культуры куро-араксской культурно-исторической общности // Историческая наука Дагестана: Сегодня и завтра. Махачкала, 2003. С. 38–44.
4. Магомедов Р.Г. Куро-аракская культура на Северо-Восточном Кавказе: Проблемы идентификации и хронологии // Горизонты современного гуманитарного знания: К 80-летию акад. Г.Г. Гамзатова. М., 2008. С. 687–696.
5. Магомедов Р.Г. Древний Дагестан и куро-аракская культура // Дагестан на перекрестке культур и цивилизаций: Гуманитарный контекст: К 85-летию академика Г.Г. Гамзатова. Отв. ред.: Г.Г. Гамзатов, Ф.Х. Мухаммедова. М.: Наука, 2011. С. 157–166.
6. Magomedov R.G. The Kura-Araxes “Culture” in the North-Eastern Caucasus: Problems in its Identification and Chronology // D.L. Peterson, L.M. Popova, A.T. Smith (eds.). *Beyond the Steppe and the Sown. Proceedings of the 2002 University of Chicago Conference on Eurasian Archaeology*. Leiden – Boston: Brill, 2006. P. 142–159.
7. Гаджиев М.Г. Раннеземледельческая культура Северо-Восточного Кавказа: эпоха энеолита и ранней бронзы. М.: Наука, 1991. – 264 с.
8. Мусаев Д.Л. Серкер-тепе – поселение эпохи ранней бронзы. Баку: Nafta-Press, 2006. – 173 с.
9. Гаджиев М.С., Магомедов Р.Г. Торпах-кала – куро-аракское поселение и сасанидское городище в Южном Дагестане // Археология Кавказа и Ближнего Востока. Сборник к 80-летию чл.-корр. РАН, проф. Р.М. Мунчаева. Отв. ред. Н.Я. Мерперт, С.Н. Корневский. М.: Тaus, 2008. С. 276–297.
10. Müseyibli N.Ə., Ağalarzadə A.M., Axundova G.K., Gasimov A.A. İlk tunc dövrü Qaraçay nekropolunda arxeoloji tədqiqatlar // Azərbaycanca arxeoloji tədqiqatlar 2015-2016. Bakı, 2017. S. 117–122.
11. Kohl P.L., Magomedov R.G. Куро-аракские памятники Северо-Восточного Азербайджана: Вопросы историко-культурной и хронологической интерпретации (по материалам археологических разведок 2001-2002 гг. по Международному проекту IPARC) // История, археология и этнография Кавказа. Т. 17. № 1. 2021. С. 163–210.
12. Palumbi G. Mid-fourth millennium red-black burnished wares from Anatolia: a cross-comparison // K.S. Rubinson and A. Sagona (eds.). *Ceramics in Transitions: Chalcolithic through Iron Age in the Highlands of the Southern Caucasus and Anatolia / Ancient Near Eastern Studies, Suppl. 27*. Leuven: Peeters, 2008. P. 39–58.
13. D’Anna M.B. The ceramic containers at Arslantepe VIA. Food control at the time of centralisation, in *Economic Centralisation* // M. Frangipane (ed.). *In Formative States*.

REFERENCES

1. Magomedov R.G. *Materials for the study of the Bronze Age in Coastal Dagestan*. Makhachkala: IHAЕ, 2000. (In Russ)
2. Budaychiev A.L. The Early Bronze Age bowls from Seaside Dagestan (typology, décor and chronology issues). *The Lower Volga archaeological bulletin*. 2000; 21(2): 33–53. (In Russ)
3. Magomedov R.G. On the issue of identifying and interpreting the great culture of the Kuro-Araxes cultural and historical community. *Historical science of Dagestan: today and tomorrow. Abstracts of the scientific session*. Makhachkala, 2003: 38–44. (In Russ)
4. Magomedov R.G. Kuro-Araxes culture in the North-Eastern Caucasus: problems of identification and chronology. *Horizons of modern humanitarian knowledge. To the 80th anniversary of Academician G.G. Gamzatova*. Moscow: Nauka, 2008: 687–696. (In Russ)
5. Magomedov R.G. Ancient Dagestan and Kura-Araxes culture. *Dagestan at the crossroads of cultures and civilizations: Humanitarian context: To the 85th anniversary of academician G.G. Gamzatova*. Moscow: Nauka, 2011: 157–166. (In Russ)
6. Magomedov R.G. The Kura-Araxes “Culture” in the North-Eastern Caucasus: Problems in its Identification and Chronology. In: D.L. Peterson, L.M. Popova, A.T. Smith (eds.). *Beyond the Steppe and the Sown. Proceedings of the 2002 University of Chicago Conference on Eurasian Archaeology*. Leiden – Boston: Brill, 2006: 142–159.
7. Gadzhiev M.G. *Early agriculture of the North-Eastern Caucasus: The Eneolithic and Early Bronze Age*. Moscow: Nauka, 1991. (In Russ)
8. Musaev D.L. *Serkertepe – an early Bronze Age settlement*. Baku: Nafta-Press, 2006. (In Russ)
9. Gadjeiev M.S., Magomedov R.G. Torpakh-kala – Kuro-Araxes settlement and Sassanid fortified settlement in South Dagestan. In: Merpert N.Ya., Korenevskiy S.N. (eds.). *Archeology of the Caucasus and the Middle East. Collection for the 80th anniversary of Corresponding Member of the RAS, Prof. R.M. Munchaev*. Moscow: Taus Publ., 2008: 276–297. (In Russ)
10. Museibli N.A., Aghalarzadeh A.M., Akhundova G.K., Gasimov A.A. Archaeological investigations in the Early Bronze Age necropolis of Garachay. *Archaeological research in Azerbaijan 2015-2016*. Baku, 2017: 117–122. (in Azer)
11. Kohl P.L., Magomedov R.G. Sites of the Kura-Araxes culture in Northeastern Azerbaijan: Issues of historical, cultural and chronological interpretation (based on archaeological surveys of 2001-2002 under the International IPARC Project). *History, Archaeology and Ethnography of the Caucasus*. 2021, 17(1): 163–210.
12. Palumbi G. Mid-4th millennium red-black burnished wares from Anatolia: a cross-comparison. In: Rubinson K.S., Sagona A. (eds.). *Ceramics in Transitions: Chalcolithic through Iron Age in the Highlands of the Southern Caucasus and Anatolia. Ancient Near Eastern Studies, Suppl. 27*. Leuven: Peeters, 2008: 39–58.
13. D’Anna M.B. The ceramic containers at Arslantepe VIA. Food control at the time of centralization. In: Frangipane M. (ed.). *Economic Centralisation In Formative*

The Archaeological Reconstruction of the Economic System in 4th Millennium Arslantepe, *Studi di Preistoria Orientale* 3, Sapienza Università di Roma, 2010. P. 167–191.

14. D'Anna M.B. Between Inclusion and Exclusion: Feasting and Redistribution of Meals at Late Chalcolithic Arslantepe (Malatya, Turkey) // *Between Feasts and Daily Meals: Toward an Archaeology of Commensal Spaces*. eTopoi, Journal for Ancient Studies. Special vol. 2. 2012. P. 97–123.

15. D'Anna M.B., Guarino P. Pottery production and use at Arslantepe between periods VII and VIA. Evidence for social and economic change // *Origini*. XXXIV. 2012. P. 59–77.

16. Frangipane M. The role of metal procurement in the wide interregional connections of Arslantepe during the late 4th – early 3rd millennia BC // *Overtuning certainties in Near Eastern archaeology*. A Festschrift in honor of K. Aslihan Yener. Leiden; Boston: Brill, 2017. P. 186–210.

17. Frangipane M. Different Trajectories in State Formation in Greater Mesopotamia: A View from Arslantepe (Turkey) // *Journal of Archaeological Research*. Vol. 26.1. 2018. P. 3–63.

18. Çalışkan Akgül H. Late Chalcolithic Anatolian fruit-stands: significance, function and cultural interactions // Balossi Restelli F., Cardarelli A., Di Nocera G.M., Manzanilla L., Mori L., Palumbi G., Pittman H. (eds.). *Pathways through Arslantepe. Essays in Honour of Marcella Frangipane*. Sapienza Università di Roma, 2020. P. 85–97.

19. Akcay A. A late Uruk – Early Bronze Age transitional period cemetery in the Upper Tigris region: Aşağı Salat // *OLBA*. XXV. Mersin University Publications of the Research Center of Cilician Archaeology (KAAM). Mersin: Matsis Matbaa Hizmetleri, 2017. P. 49–90.

20. Lloyd S., Mellaart J. *Beycesultan*. Vol. 1. The Late Chalcolithic and Early Bronze Age levels. London: The British Institute of Archaeology at Ankara, 1962. – 370 p.

21. Sagona A.G. *The Caucasian Region in the Early Bronze Age*. (in 3 parts). Oxford: British Archaeological Reports, International Series 214, 1985. – 564 p.

22. Marro C. Introduction à la céramique du Haut-Euphrate au Bronze Ancien // *Anatolia Antiqua*. 2. 1993. P. 43–69.

23. Stein G. 1996 Excavations at Hacinebi Tepe // XIX Kazı Sonuçları Toplantısı. 1. Ankara: Anıtlar ve Müzeler Genel Müdürlüğü, 1998. P. 179–207.

24. Sertok K., Kulakoğlu F. Şaraga Höyük 2000 / Şaraga Höyük 2000 // Eds.: N. Tuna – J. Öztürk – J. Velibeyoğlu. *İhsu ve Kargamış Baraj Gölleri Altında Kalacak Arkeolojik ve Kültür Varlıklarını Kurtarma Projesi: 2001 Yılı Çalışmaları / Salvage Project of the Archaeological Heritage of the İhsu and Carchemish Dam Reservoirs: Activities in 2001*. Ankara: ODTÜ/METU, P. 351–381.

25. Dikkaya F. *Settlement Patterns of Altinova in the Early Bronze Age*. A Thesis submitted to the Graduate School of Social Sciences of Middle East Technical University. 2003. 184 p. –

26. Ay E. 2001 Yılı Müslüman-tepe Kazısı / Müslüman-tepe Excavations 2001 // Eds.: N. Tuna – J. Öztürk – J. Velibeyoğlu. *İhsu ve Kargamış Baraj Gölleri Altında Kalacak Arkeolojik ve Kültür Varlıklarını Kurtarma Projesi: 2001 Yılı Çalışmaları / Salvage Project of the Archaeological Heritage of the İhsu and Carchemish Dam*

States. The Archaeological Reconstruction of the Economic System in 4th Millennium Arslantepe. *Studi di Preistoria Orientale* 3, Sapienza Università di Roma, 2010: 167–191.

14. D'Anna MB. Between Inclusion and Exclusion: Feasting and Redistribution of Meals at Late Chalcolithic Arslantepe (Malatya, Turkey). *Between Feasts and Daily Meals: Toward an Archaeology of Commensal Spaces*. eTopoi, Journal for Ancient Studies. Special vol. 2. 2012: 97–123.

15. D'Anna MB., Guarino P. Pottery production and use at Arslantepe between periods VII and VIA. Evidence for social and economic change. *Origini*. XXXIV. 2012: 59–77.

16. Frangipane M. The role of metal procurement in the wide interregional connections of Arslantepe during the late 4th – early 3rd millennia BC. *Overtuning certainties in Near Eastern archaeology*. A Festschrift in honor of K. Aslihan Yener. Leiden; Boston: Brill, 2017: 186–210.

17. Frangipane M. Different Trajectories in State Formation in Greater Mesopotamia: A View from Arslantepe (Turkey). *Journal of Archaeological Research*. 2018, 26(1): 3–63.

18. Çalışkan Akgül H. Late Chalcolithic Anatolian fruit-stands: significance, function and cultural interactions. In: Balossi Restelli F., Cardarelli A., Di Nocera G.M., Manzanilla L., Mori L., Palumbi G., Pittman H. (eds.). *Pathways through Arslantepe. Essays in Honour of Marcella Frangipane*. Sapienza Università di Roma, 2020: 85–97.

19. Akcay A. A late Uruk – Early Bronze Age transitional period cemetery in the Upper Tigris region: Aşağı Salat. *OLBA*. XXV. Mersin University Publications of the Research Center of Cilician Archaeology (KAAM). Mersin: Matsis Matbaa Hizmetleri, 2017: 49–90.

20. Lloyd S., Mellaart J. *Beycesultan*. Vol. 1. *The Late Chalcolithic and Early Bronze Age levels*. London: The British Institute of Archaeology at Ankara, 1962.

21. Sagona A.G. *The Caucasian Region in the Early Bronze Age*. (in 3 parts). Oxford: British Archaeological Reports, International Series 214, 1985.

22. Marro C. Introduction à la céramique du Haut-Euphrate au Bronze Ancien. *Anatolia Antiqua*. 1993. 2: 43–69.

23. Stein G. 1996 Excavations at Hacinebi Tepe. *XIX Kazı Sonuçları Toplantısı*. 1. Ankara: Anıtlar ve Müzeler Genel Müdürlüğü, 1998: 179–207.

24. Sertok K., Kulakoğlu F. Şaraga Höyük 2000. In: Tuna N., Öztürk J., Velibeyoğlu J. (eds.). *İhsu ve Kargamış Baraj Gölleri Altında Kalacak Arkeolojik ve Kültür Varlıklarını Kurtarma Projesi: 2001 Yılı Çalışmaları / Salvage Project of the Archaeological Heritage of the İhsu and Carchemish Dam Reservoirs: Activities in 2001*. Ankara: ODTÜ/METU: 351–381.

25. Dikkaya F. *Settlement Patterns of Altinova in the Early Bronze Age*. A Thesis submitted to the Graduate School of Social Sciences of Middle East Technical University. 2003.

26. Ay E. 2001 Yılı Müslüman-tepe Kazısı. Müslüman-tepe Excavations 2001. Tuna N., Öztürk J., Velibeyoğlu J. (eds.). *İhsu ve Kargamış Baraj Gölleri Altında Kalacak Arkeolojik ve Kültür Varlıklarını Kurtarma Projesi: 2001 Yılı Çalışmaları / Salvage Project of the Archaeological Heritage of the İhsu and Carchemish Dam Reservoirs: Activities in 2001*. Ankara: ODTÜ / METU, 2004: 375–386.

Reservoirs: Activities in 2001. Ankara: ODTÜ / METU, 2004. P. 375–386.

27. Frangipane M. “Transitions” as an archaeological concept. Interpreting the final Ubaid – late chalcolithic transition in the northern periphery of Mesopotamia // *Varia Anatolica. XXVII. After the Ubaid: Interpreting change from the Caucasus to Mesopotamia at the dawn of urban civilization (4500–3500 BC). Papers from The Post-Ubaid Horizon in the Fertile Crescent and Beyond. International Workshop held at Fosseuse, 29th June-1st July 2009.* Paris, 2012. P. 39–64.

28. Кушнарева К.Х. Южный Кавказ в IX–II тыс. до н.э. (этапы культурного и социально-экономического развития). СПб.: Петербургское востоковедение, 1993. – 312 с.

29. Arne T.J. Excavations at Shah Tepé, Iran. VII. *Archaeology.* 5. Stockholm, 1945. – 480 p.

30. Orthmann W. Die Keramik der Frühen Bronzezeit aus Inner Anatolien. Berlin: Verlag Gebr. 1963. – 280 s.

31. Филанович М.И. Башнеобразные культовые курьильницы из Мерва // Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции. Т. XVI. Материалы по археологии Мерва. Ашхабад: «Ылым», 1978. С. 31–43.

32. Гаджиев М.С., Бакушев М.А. О ритуальных сосудах Северо-Восточного Кавказа албано-сарматского времени // Вопросы древней и средневековой археологии Кавказа. Грозный – М.: ИА РАН, 2011. С. 215–236.

33. Гаджиев М.С. Древний город Дагестана: Опыт историко-топографического и социально-экономического анализа. М.: Восточная литература, 2002. – 320 с.

34. Авилова Л.И. К изучению металлических сосудов Анатолии (III тыс. до н. э.): морфология и контекст находок // КСИА. Вып. 260. 2020. С. 21–42.

35. Dimitrov I. Late Chalcolithic fruitstands – Some suggestions about their distribution and chronology // *Studia Archaeologica Universitatis Serdicensis. Suppl. IV. Stephanos Archaeologicos in honorem Professoris Ludmili Detov.* Sofia: Софийски университет «Св. Кл. Охридски», 2005. P. 238–246.

36. Кушнарева К.Х., Чубиншвили Т.Н. Древние культуры Южного Кавказа (V–III тыс. до н.э.). Л.: Наука, 1970. – 190 с.

37. Гаджиев М.Г., Магомедов Р.Г., Кол Ф. Новые катакомбные могильники эпохи бронзы в окрестностях сел. Великент // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. VIII. Крупновские чтения 1971–2006 гг. М.: Памятники исторической мысли; Ставрополь: Наследие, 2008. С. 557–558.

38. Блеген К.В. Троя и троянцы. Боги и герои города-призрака. М.: Центрполиграф, 2004. – 219 с.

39. Weninger B., Easton D. The Early Bronze Age Chronology of Troy (Periods I-III): Pottery Seriation, Radiocarbon Dating and the Gap // Barbara Horejs Mathias Mehofer (Eds.). *Western Anatolia before Troy. Proto-Urbanisation in the 4th Millennium BC? Proceedings of the International Symposium held at the Kunsthistorisches Museum Wien, Vienna, Austria, 21–24 November, 2012.*

27. Frangipane M. “Transitions” as an archaeological concept. Interpreting the final Ubaid – late chalcolithic transition in the northern periphery of Mesopotamia. *Varia Anatolica. XXVII. After the Ubaid: Interpreting change from the Caucasus to Mesopotamia at the dawn of urban civilization (4500–3500 BC). Papers from The Post-Ubaid Horizon in the Fertile Crescent and Beyond. International Workshop held at Fosseuse, 29th June-1st July 2009.* Paris, 2012: 39–64.

28. Kushnareva KKh. *South Caucasus in the IX-II millennium BC (stages of cultural and socio-economic development).* Saint-Petersburg: Petersburg Oriental Studies, 1993. (In Russ)

29. Arne T.J. *Excavations at Shah Tepé, Iran. VII. Archaeology.* 5. Stockholm, 1945.

30. Orthmann W. *Die Keramik der Frühen Bronzezeit aus Inner Anatolien.* Berlin: Verlag Gebr, 1963.

31. Filanovich M.I. Tower-shaped cult censers from Merv. *Proceedings of the South-Turkmenistan archaeological complex expedition. T. XVI. Materials on the archeology of Merv.* Ashgabat: Ylym, 1978: 31–43. (In Russ)

32. Gadjiev MS., Bakushev MA. About the ritual vessels of the North-Eastern Caucasus of the Albanian-Sarmatian period. *Problems of ancient and medieval archeology of the Caucasus.* Grozny – Moscow: IA RAN, 2011: 215–236. (In Russ)

33. Gadjiev MS. *The ancient city of Dagestan: Experience of historical-topographic and socio-economic analysis.* Moscow: Vostochnaya literatura, 2002. (In Russ)

34. Avilova L.I. On the study of metal vessels of Anatolia (3rd millennium BC): morphology and context of the finds. *Brief Communications of the Institute of Archeology.* 2020, 260: 21–42. (In Russ)

35. Dimitrov I. Late Chalcolithic fruit-stands – Some suggestions about their distribution and chronology. *Studia Archaeologica Universitatis Serdicensis. IV. Stephanos Archaeologicos in honorem Professoris Ludmili Detov.* Sofia: Sofia University “St. Kliment Ohridski”, 2005: 238–246.

36. Kushnareva KKh, Chubinshvili TN. *The ancient cultures of the South Caucasus.* Leningrad: Nauka, 1970. (In Russ)

37. Gadzhiev MG, Magomedov RG, Kol LF. New catacomb burial grounds of the Bronze Age in the vicinity of the village Velikent. *Materials for the study of the historical and cultural heritage of the North Caucasus.* VIII. Moscow, 2008: 557–558. (In Russ)

38. Blegen KV. *Troy and the Trojans. Gods and heroes of the ghost town.* Moscow: Tsentrpoligraf, 2004. (In Russ)

39. Weninger B., Easton D. The Early Bronze Age Chronology of Troy (Periods I-III): Pottery Seriation, Radiocarbon Dating and the Gap. In: Barbara Horejs, Mathias Mehofer (eds.). *Western Anatolia before Troy. Proto-Urbanisation in the 4th Millennium BC? Proceedings of the International Symposium held at the Kunsthistorisches Museum Wien.* Vienna, Austria, 21–24 November, 2012. Vienna: Austrian Academy of Sciences Press, 2014: 157–199. (In Russ)

40. Abibullayev OA. *Eneolithic and Bronze Age in the Nakhichevan ASSR.* Baku: Elm, 1982. (In Russ)

Vienna: Austrian Academy of Sciences Press, 2014. P. 157–199.

40. *Абибуллаев О.А.* Энеолит и бронза на территории Нахичеванской АССР. Баку: Элм, 1982. – 316 с.

41. *Мерперт Н.Я.* К вопросу о культурном взаимодействии в Балкано-Анатолийском регионе в III тысячелетии до Р.Х. // Кавказ и древний Восток. Сб. к 70-летию чл.-корр. РАН, проф. Р.М. Мунчаева. Махачкала, 1999. С. 32–49.

42. *Мерперт Н.Я.* Циркумпонтийская зона в раннем бронзовом веке: Вопросы культурных контактов // Международный симпозиум «Кавказ и Юго-Восточная Европа в эпоху ранних металлов». Телави, 1987. С. 1–11.

41. *Merpert NYa.* On the problem of cultural interaction in the Balkan-Anatolian region in the III millennium BC. *Caucasus and the ancient East. Volume to the 70th anniversary of corresponding member of RAS, Prof. R.M. Munchaev.* Makhachkala, 1999: 32-49. (In Russ)

42. *Merpert NYa.* Circumpontic Zone in the Early Bronze Age: Problems of Cultural Contacts. *International Symposium "Caucasus and South-Eastern Europe in the Age of Early Metals"*. Telavi, 1987: 1-11. (In Russ)

Поступила в редакцию 28.08.2023 г.

Принята в печать 22.09.2023 г.

Опубликована 15.12.2023 г.

Recieved 28.08.2023

Accepted 22.09.2023

Published 15.12.2023